

ЭКЗОГЛОССНЫЙ И ЭНДОГЛОССНЫЙ ТИПЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассматриваются типы языковой политики в соответствии с принадлежностью избранного коммуникативного средства к автохтонной лингвокультуре: экзогlossный и эндогlossный. Предлагаемые типы языковой политики обосновываются как крайние сценарии лингвополитических мер, определяющие эволюционную динамику титульного языка.

Ключевые слова: языковая политика, метагlossия, эволюционная динамика, заимствование, лингвокультура.

В настоящее время существует несколько типологий языковой политики. Р. Б. Носс предлагает классификацию по сферам влияния [9]. К нему примыкает Г. Крист, различающая политику языка как «внутрисистемное влияние» и политику языков как «коммуникационный радиус влияния» [5]. В зависимости от интенсивности влияния также выделяют активную и пассивную [6], от строгости предписываемых норм – перmissiveвную и рестриктивную языковую политику [8].

Помимо этого в зарубежной лингвистике принято различать эндогlossный и экзогlossный типы языковой политики. Р. Т. Белл считает, что данная дифференциация связана с возможностью решить ту или иную коммуникативную задачу, во-первых, с помощью автохтонного, а во-вторых – «импортированного» языка [4]. Е. Б. Гришаева указывает на следующий аспект данной типологии, релевантный для настоящей статьи: решение выбрать в качестве коммуникативного средства ту или иную форму языка существенно влияет на курс ее развития в пределах определенной административно-территориальной формации [1]. В соответствии с тем, какому из языков – автохтонному или «импортированному» – будет отдано предпочтение, выделяют экзогlossную и эндогlossную языковые политики, причем то или иное определение лингвополитической стратегии, как правило, рассматривается с позиции автохтонной лингвокультуры, а сама форма языка приобретает статус «официального» или «национального» языка.

Итак, согласно принадлежности избранного коммуникативного средства к автохтонной лингвокультуре определенная административно-территориальная формация может осуществлять экзогlossную или эндогlossную языковую политику.

Экзогlossная политика языка-реципиента (ЯР), при сохранении им национальной лингвотерритории, ориентирована на развитие при помощи языковых средств языка-донора (ЯД) и является перmissiveвной, т. е. пропускающей изрядное количество ксеноморфного материала ЯД в свой состав. Крайней формой экспликации такой политики может быть *разрыв языкового континуума* ЯР, выражающийся в смешении языков (пиджинизации,

креолизации) и потере языковой идентичности, под которой фактически понимается генетическая принадлежность языка к той или иной языковой ветви.

Для *эндогlossной* политики характерна так называемая *автаркия* (греч. *autárkēs* = самодостаточный, замкнутый), исключающая или запрещающая словообразования средствами другого языка. Результатом радикализации средствами эндогlossной языковой политики является инволюция ЯР, предполагающая истощение его внутренних ресурсов, неспособность в дальнейшем производить слова собственными силами, избыточную полисемию и, как следствие, «сворачивание» ЯР до его ядерного состава (незаменимых слов, например: числительных, глаголов чувственного восприятия, личных местоимений и пр.), т. е. функционально-стилистически недифференцированного состава лексики. Сторонники эндогlossной политики зачастую забывают, что в истоках становления языка лежат экзогlossные импульсы, которые можно образно сопоставить с материнской плацентой, и консервация ЯР ограждает его не только от агрессии других языков, но и от собственного развития. Профилактика автаркии видится в своевременном расширении культурного пространства этноса, в духовном обогащении носителей языка и изучении иностранных языков.

Теоретически сохранение 50 % словарного запаса, необходимого для языкового дрейфа и, следовательно, дальнейшей эволюции, оставляет языку генетическую принадлежность. Нередко под этим числом понимают исконную лексику языка, что, однако, весьма далеко от истины, так как сама жизнедеятельность языка доказывает наличие даже в его ядерном составе элементов иноязычного происхождения, ср. слова в немецком языке, входящие в «ядро» языка: *Diener* из кельтского, *Pelz* из латыни, *Tanz* из французского и т. д. Подобное отождествление понятий «идентичность» и «исконность» ставит под сомнение сам факт языковой эволюции. Тем не менее данный процентный показатель необходим для формального (теоретического) определения языковой идентичности, входящей в состав более сложной идентичности, под которой

нередко подразумевается культурная, социальная и пр. принадлежность носителей языка.

У развитых языков языковая политика находит свое выражение в кодификации языковых норм и их стандартизации. В зависимости от избранной траектории развития ЯР кодификация норм бывает:

1) *прогрессивной*, т. е. развивающейся и фиксируемой на основе решительных и неожиданных изменений (экzogлоссия);

2) *ретроспективной*, или консервативной, т. е. опирающейся на состояние и употребление языка, характерных для прошлых периодов развития (эндоглоссия).

Например, для исторического развития немецкого литературного языка характерны оба типа кодификационных процессов: периоды строгости предписываемых норм неизбежно сменяются их относительной либерализацией либо острым дефицитом [2], что уже само по себе наводит на мысль о волнообразной динамике развития данного языка.

Такие составляющие языковой политики, как лингвоконсидерация и ортология, также модифицируются в зависимости от избранной траектории развития ЯР.

Лингвоконсидерация, как совокупность мер по отслеживанию, обсуждению и фиксированию языковых тенденций на определенном этапе развития языка, в условиях экzogлоссии будет ослаблена, а в эндоглоссии может достигнуть наивысшего пункта кристаллизации. Похожая картина будет наблюдаться и в ортологии, связанной с изучением устойчивых отклонений от существующих норм в речи носителей языка, их причин и путей их устранения [3]. Так как лингвоконсидерация направлена на учет особенностей языкового развития и степень ее реализации выражается прежде всего через ортологическую лексикографию, то можно спрогнозировать, в какие периоды развития будет издаваться больше словарей, а в какие – меньше либо вовсе не будет.

Языковая политика осуществляется, как правило, нормализаторскими обществами или сообществами, носит централизованный или полицентричный характер и варьирует в зависимости от типа ЯР, его варианта, типа общества, геополитических, экономических и пр. условий. В целом состояние языка в эндоглоссные периоды вне всяких сомнений лучше такового в условиях экzogлоссии. Динамику языка в экzogлоссии можно сравнить с поведением человека, попавшим в иноязычное пространство, где влияние чужого языка блокирует его знания L_1 и требует от него принципиально новой языковой стратегии. Лишь очутившись вне зоны воздействия чужого языка (в эндоглоссии), человек рефлектирует о пройденном участке развития,

обнаруживает новые возможности и настраивается на их реализацию.

Однако не следует забывать, что *улучшенное состояние языка является следствием осмысления языкового прироста и расширения возможностей ЯР посредством экzogлоссии, что вовсе не означает, что языковая политика должна строиться целиком на эндоглоссных тенденциях*. Крайней мерой такого вида эндоглоссной языковой политики можно считать ультраправый пуризм, восходящий к идеалам языка Цицерона, т. е. свободной от греческих заимствований латыни, и нацеленный на «очищение» языка от «загрязняющих» его иностранных слов. Опасность такого вида эндоглоссной политики заключается в том, что пуристы представляют определенный авторитетный источник законодательства языковой нормы (издательство, телевизионный канал, лингвистический институт и пр.) и могут навязывать пользователям продукты индивидуального словотворчества, далекие от узуса и зачастую противоречащие условиям функционирования языка, ср. языковые политики немецкого языка Й. Г. Кампе, Г. Вустманна и Ф. фон Цезена.

Причины ультраправой языковой политики угадываются большей частью в консервативных воззрениях на природу нации и языка как ее атрибута. Однако экзальтация идеи «чистоты» может привести к «стерилизации» собственного языка и последующему его вымиранию, а с ним и нации.

Действительно, симптомом выраженной экzogлоссной языковой политики можно считать увлечение носителей иностранными словами, происходящими как из ЯД в период экzogлоссии, так и из других языков, что и склоняет многих сторонников ультраправых мер языковой политики к авторскому или институциональному вмешательству во внутренние языковые процессы. Ярким примером экzogлоссной языковой политики является динамика развития немецкого языка послевоенной ФРГ в зоне англо-американской оккупации.

В качестве примера радикальной эндоглоссной языковой политики можно привести таковую в Германии времен Третьего рейха, описанную в работе В. Клемперера «Язык Третьей Империи» (V. Klemperer. LTI. Lingua Tertii Imperii), вышедшую в 1947 г. под названием «Непокорённый язык» (Die unbewältigte Sprache), в которой автор критически анализировал употребление языка тоталитарной системой. Эндоглоссная направленность языковой политики Третьего рейха исключала возможность словопроизводства средствами других языков и привела к тому, что многие слова стандартного языка приобрели тяжеловесные идеологические коннотации, ср.: *Volk, Führer, rein, Größe* [10]. Сравнивая эту языковую ситуацию с таковой послевоенной ФРГ, где наметилась четкая

тенденция к заимствованию в немецкую речь англо-американизмов, можно отметить роль языковой политики в дальнейшем развитии ЯР.

Языковая политика осуществляется не только на уровне языкового сообщества, но и может иметь формат предпочтений узких кругов носителей языка, представляющих корпорации и имеющих элитарные притязания, к примеру, так называемого «высшего общества», факультетов гуманитарного профиля, обществ по интересам, творческих клубов и пр. Особенно ярко выраженную тенденцию к ведению собственной языковой политики имеют филологические факультеты и факультеты иностранного языка. Для последних в целом характерна эндоглоссная языковая политика, зачастую отстающая от узуса и противоположная политике страны изучаемого языка, что приравнивает такие факультеты к островным формам языка за пределами его национальной территории. Неверная диагностика языковой ситуации, излишний традиционализм и устаревшие учебники могут в последующем сказаться как на карьере студентов, так и на судьбе самого факультета. В своей совокупности данные корпорации могут оказывать существенное влияние на общую языковую политику.

Идеальным вектором развития языка может быть равновесие между экзоглоссной направленностью развития и стремлением сохранить богатство языка, достигаемое умеренной языковой политикой, которая должна строиться на принципе *естественного* развития языка как системы. Любая насильственная и искусственная кодификация или же ее отсутствие заведомо чреваты отклонением языка от естественного курса развития. В этой связи необходимо привести цитату из книги «Максимы и рефлексии» (*Maximen und Reflexionen*) И. В. Гёте, где в качестве оптимального способа функционирования живого языка считается ситуация сбалансированности между его экзоглоссной и эндоглоссной ориентацией: «Немец должен выучить все языки, чтобы чужой в его доме не был неудобным, а он повсюду чувствовал себя как дома. Сила языка не в том, что он отторгает чужое, но поглощает его. Я проклинаю всякий негативный пуризм, когда нельзя употребить слово, в котором другой язык выразил большее или деликатное. Мое дело – положительный пуризм, который продуктивен и исходит лишь из того: где мы должны описывать, а где сосед имеет более веское слово [...]» [7].

Список литературы

1. Гришаева Е. Б. Типология языковых политик и языкового планирования в полиэтничном и мультикультурном пространстве: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 2007. 24 с.
2. Семенов Н. Н. Формирование литературных норм и типы кодификационных процессов // Языковая норма: типология нормализационных процессов. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 23–44.
3. Теймурова С. С. Ортология и ортологическая лексикография. Язык образования и образование языка. Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2000. С. 305.
4. Bell R. T. Language planning. New York, 1980. 396 pp.
5. Braun P. Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache: Sprachvarietäten. Stuttgart, Berlin, Köln: W. Kohlhammer, 1998. 265 S.
6. Christ H. Sprachenpolitische Perspektiven. In: Bausch, K.-R. Christ, H. Hüllen, W. Krumm, H.-J. (Hrsg.): Handbuch Fremdsprachenunterricht. Tübingen, 1989. 243 S.
7. Debus F. Überfremdung der deutschen Sprache? Zur Frage des englisch-amerikanischen Einflusses. In: DaF 4, 2001. S. 195–204.
8. Eichhoff-Cyrus K., Hoberg R. (Hrsg.) Die deutsche Sprache zur Jahrtausendwende. Sprachkultur oder Sprachverfall? (Thema Deutsch, Bd. 1). Mannheim: Dudenverlag. 2000. 344 S.
9. Fabricius-Hansen C. Deutsch als Wissenschaftssprache in Skandinavien. In: F. Debus u. a. (Hg.) Deutsch als Wissenschaftssprache im 20. Jahrhundert. Stuttgart, 2000. S. 177–191.
10. Földes C. Zur Begrifflichkeit von „Sprachenkontakt“ und „Sprachenmischung“. In: Lasatowicz, Maria Katarzyna/Joachimsthaler, Jürgen (Hrsg.): Assimilation – Abgrenzung – Austausch. Interkulturalität in Sprache und Literatur. Frankfurt a.M., Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Wien: Lang 1999. Oppelner Beiträge zur Germanistik, Bd. 1. S. 3–35.
11. Georgogiannis P. Identität und Zweisprachigkeit. Bochum, 1984. 284 S.
12. Goethe J. W. Sämtliche Werke. Artemis-Gedenkausgabe. Zürich-München, 1977. Bd. 9. 784 S.
13. Goffmann E. Notes on the Management of Spoiled Identity. Stigma, 1980. 468 p.
14. Götze L. Perspektiven einer europäischen Sprachenpolitik. In: Educating European Citizens. Dokumentation zum internationalen Symposium am 27.11.1998 in der Deutschen Bibliothek Frankfurt. Wiesbaden, 1999. S. 35–37.
15. Götze L., Hess-Lüttich E. W. B. Grammatik der deutschen Sprache. München, 2005. 702 S.
16. Krappmann L. Soziologische Dimensionen der Identität. Strukturelle Bedingungen für die Teilnahme an Interaktionsprozessen. Stuttgart, 1988. 224 S.
17. Münch W. Grundzüge einer europäischen Bildungs- und Sprachpolitik. In: Materialien Deutsch als Fremdsprache 29, 1990. S. 52–64.
18. Noss R. B. Politics and Language Policy in Southeast Asia. In: Language Sciences 16, 1971. No. 6. P. 25–32.

19. Paulston C. Swedish research and debate about bilingualism: A critical review of the Swedish research and debate about bilingualism and bilingual Education in Sweden from an international perspective. Stockholm, 1982. 416 pp.
20. Riesel E. Stilistik der deutschen Sprache. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1959. 468 S.
21. Schreiber M. Deutsch for sale // Spiegel Nr. 40/2.10.2006. S. 182–198.
22. Voigt W. Dokumentation zur Zukunft der deutschen Sprache. Außer einigen eigenen Texten Belegmaterial. Berlin, seit 1997, mehrfach aktualisiert. 400 S.

Кобенко Ю. В., кандидат филологических наук, доцент.

Томский политехнический университет.

Пр. Ленина, 30, Томск, Томская область, Россия, 634050.

E-mail: serpentis@list.ru

Материал поступил в редакцию 20.04.2010.

Yu. V. Kobenko

THE ANALYSIS OF THE CURRENT STATE OF GERMAN WITHIN THE MAIN CONTINUUM

The goal of the article is to analyze the status component's state of modern German within the main continuum. The descending status of German in its motherland is caused by the tendencies of Germany's Americanization and, as a result, by language democratization. This problem can be solved by a balanced model of German language policy.

Key words: *language state, state analysis, language policy, the social prestige of languages, vertical media, exoglossy.*

Tomsk Polytechnic University.

Ul. Lenin, 30 Tomsk, Tomsk oblast, 634050, Russia.

E-mail: serpentis@list.ru